

На правах рукописи

ТКАЧЕНКО Надежда Михайловна

**ИССЛЕДОВАНИЕ СТРАТЕГИЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ
ЗНАЧЕНИЯ ПСЕВДОСЛОВА**

Специальность 10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Ижевск 2007

Работа выполнена в ГОУВПО «Удмуртский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Рогожникова Татьяна Михайловна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Васильев Лев Геннадьевич

кандидат филологических наук, доцент
Бардовская Анастасия Игоревна

Ведущая организация: ГОУВПО «Тверской государственный университет»

Защита состоится 12 ноября 2007 года в 12 часов 00 мин. на заседании диссертационного совета ДМ 212.275.06 при ГОУВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 2, ауд. 204.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ГОУВПО «Удмуртский государственный университет».

Автореферат разослан «___» _____ 2007 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Н.И. Чиркова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В условиях естественной речевой коммуникации человек не осознает процессов идентификации слова. Опоры, которые человек использует для опознания и понимания слова, выбираются им неосознанно. Именно этим объясняются трудности экспликации идентификационных стратегий и опор, полный перечень которых до сих пор не установлен, а вопрос об их универсальности остается открытым. Проблема идентификации слова, как и проблема его функционирования в ментальном лексиконе, напрямую увязываются с организацией языкового сознания человека, что придает диссертационному исследованию **актуальность**.

Поиск оптимальных путей исследования проблемы, анализ имеющихся подходов и разработка новых привели к пониманию необходимости изучения идентификационных стратегий через незнакомое слово. В ходе анализа было установлено, что именно незнакомое слово, точнее – лишенное предметной отнесенности псевдослово, способно замедлить идентификационный процесс настолько, что становится возможным выявление базовых опор и установление исходных универсальных стратегий идентификации слова.

В условиях психолингвистического эксперимента была создана «идеальная» экспериментальная ситуация, основной характеристикой которой является возможность изучения не только изолированного псевдослова, но также анализ его функционирования в вербальном контексте, состоящем также только из псевдослов.

Объектом исследования является процесс идентификации значения слова, **предметом** - стратегии и опоры, используемые носителями русского языка для осуществления акта идентификации семантики псевдослова в различных условиях.

Цель диссертационной работы заключается в изучении процесса идентификации незнакомое слова и выявление стратегий и опор, используемых для его идентификации.

Для реализации цели настоящего исследования было необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) обобщить результаты отечественных и зарубежных исследований, в которых рассматриваются проблемы значения слова как достояния индивида;
- 2) обобщить научные результаты по проблемам идентификации нового слова и роли контекста в данном процессе;
- 3) сформулировать рабочую гипотезу исследования;
- 4) создать «идеальную» экспериментальную ситуацию, которая позволит изучить стратегии идентификации псевдослова «в чистом виде»;
- 5) осуществить экспериментальную проверку рабочей гипотезы и определить возможные перспективы ее дальнейшего использования;
- 6) описать структуры ассоциативных полей псевдослов;

7) провести количественный и качественный анализ результатов, наметить перспективы дальнейшей работы.

Теоретическим основанием диссертационного исследования послужили труды ученых, рассматривающих проблему функционирования слова в индивидуальном сознании: Л.С.Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия, Н.И. Жинкина, А.А. Леонтьева, А.А. Залевской.

В основу исследования положена концепция слова в лексиконе человека и теория индивидуального знания, разработанные А.А. Залевской.

Авторская позиция сформировалась под влиянием работ Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой, И.А. Стернина, А.И. Новикова, И.Н. Горелова, Р.М. Фрумкиной, В.А. Пищальниковой, Л.В. Сахарного, Р. Стернберга, Т.М. Рогожниковой, Т.Ю. Сазоновой, Т.Г. Родионовой, Н.О. Золотовой, Е.Ю. Мягковой, С.И. Тогоевой.

Многие исследователи, занимавшиеся изучением процесса идентификации новых слов, писали о трудностях, связанных с экспликацией стратегий и опор идентификации слова. На основе анализа литературы, посвященной изучению нового слова, было выдвинуто предположение о том, что возможно замедлить процесс идентификации, создав «идеальную» экспериментальную ситуацию. Для осознанной экспликации процессов идентификации был подобран особый материал (псевдослова) и особым образом построена экспериментальная часть исследования (исследованы процессы идентификации изолированного слова и слова, включенного в контекст).

В ходе анализа теоретического материала была сформулирована **рабочая гипотеза**: использование псевдослова в различных экспериментальных условиях в качестве материала исследования будет замедлять процесс идентификации, что позволит эксплицировать стратегии и опорные элементы, которые носитель языка использует неосознанно в условиях естественного речевого общения и которые достаточно сложно выявить вне экспериментальной ситуации. Стратегии идентификации псевдослова, функционирующие на разных уровнях его осознания при непосредственном взаимодействии, обусловлены рядом идентификационных опор, приоритетный выбор которых зависит как от характера самого псевдослова, так и от особенностей взаимодействия перцептивного, когнитивного и аффективного опыта индивида и наличия / отсутствия вербального контекста.

Материал исследования составили данные двух свободных ассоциативных экспериментов, проведенных в контексте и вне вербального контекста. В экспериментах приняли участие 200 испытуемых (100 юношей и 100 девушек) в возрасте от 17 до 22 лет. Анализу были подвергнуты 3000 ассоциативных реакций, полученных на 15 слов-стимулов, заимствованных из сказок Л.С. Петрушевской: КАЛУША, БУТЯВКА, КАЙОДЛА, ПУСЬКИ, КЛЯМСЫ, БЛУКИ,

СЯПАТЬ, ДУДОНИТЬСЯ, БИРИТЬ, ВОЛИТЬ, ВАЗИТЬ, ДЮБЫЙ, БЯТЫЙ, КУЗЯВЫЙ, ЗЮМО.

В качестве **методов исследования** использовались психолингвистический эксперимент (свободный ассоциативный эксперимент), постэкспериментальный опрос испытуемых, описательно-сопоставительный метод, количественный анализ.

В результате проведённого исследования сформулированы и **выносятся на защиту следующие теоретические положения:**

1. Идентификация изолированного псевдослова в основном осуществляется с использованием единиц поверхностного яруса ментального лексикона. В контексте в этот процесс вовлекаются единицы глубинного яруса, активизируя знания субъекта о мире в соотнесении с контекстной информацией.

2. В ходе качественного анализа полученных реакций установлено, что в качестве опор в процессе идентификации изолированного псевдослова используются: 1) *опора на фонетический образ псевдослова*, 2) *опора на фонетический образ стимула как промежуточный элемент ассоциативного процесса*, 3) *опора на графический образ слова*, 4) *опора на графический образ стимула как промежуточный элемент ассоциативного процесса*, 5) *опора на морфологические компоненты слова*, 6) *опора на морфологический компонент слова как промежуточный элемент ассоциативного процесса*, 7) *опора на цепочки графем как компоненты слова*, 8) *опора на цепочки графем / фонем как промежуточный элемент ассоциативного процесса*, 9) *опора на лексико-грамматический класс и грамматическую форму псевдослова*.

3. Анализ ассоциативных реакций, полученных в процессе идентификации псевдослова в контексте, позволил выявить следующие опоры: 1) *опору исключительно на чувственные компоненты внутреннего контекста*, 2) *опору на лексико-грамматический класс и грамматическую форму псевдослова*, 3) *отказ от реакции*, 4) *опору на моделируемую испытуемыми ситуацию*.

4. Процесс идентификации значения псевдослова имеет стратегическую природу. Совокупность опорных элементов образует единую идентификационную структуру, удерживающуюся посредством выявленных стратегий. В ходе ассоциативного эксперимента вне заданного вербального контекста основной стратегией идентификации стимулов оказалась **стратегия идентификации через формальные мотивирующие элементы**. Материалы эксперимента в контексте позволяют выделить в качестве основной стратегии идентификации псевдослова **стратегию идентификации через внешний вербальный контекст**.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые осуществляется изучение стратегий идентификации псевдослова на основе создания различных условий исследования слова-стимула (в контексте и

вне вербального контекста) в рамках «идеальной» экспериментальной ситуации, которая позволяет замедлить процессы опознания незнакомого слова и облегчает процедуру экспликации стратегий и опор. Псевдослово изучается с позиций интегративного подхода к исследованию семантики слова.

Теоретическая значимость работы. Полученные результаты дают возможность по-новому взглянуть на изучение речемыслительных процессов. В работе впервые предложен перечень стратегий и опор идентификации псевдослова, рассмотрены особенности этого процесса. В работе удалось не только эксплицировать опорные элементы и стратегии идентификации псевдослова, но и определить роль контекста в выборе опор, проверить предположение о стремлении испытуемых опознать незнакомые слова через единицы ядра ментального лексикона, выявить особенности использования идентификационных опор испытуемыми разного пола и разной профессиональной специализации. Результаты диссертационной работы представляют особый интерес для дальнейших исследований особенностей идентификации псевдослов в контексте и без контекста носителями других языков и возможность осуществления межъязыковых сопоставлений.

Практическая значимость работы определяется возможностью применения результатов исследования для решения ряда психолингвистических, психологических и лингвистических задач. Полученные результаты будут способствовать обнаружению универсальных механизмов, лежащих в основе использования индивидом языковых единиц и увязываемых с ними структур знания. Основные выводы и результаты найдут свое применение при чтении курсов общего языкознания и спецкурсов по проблемам психолингвистики и когнитивной лингвистики.

Апробация результатов исследования: полученные практические результаты диссертации были изложены в выступлениях на научно-методических конференциях: Уфа: УГАТУ, 2005; Ижевск: УдГУ, 2005, 2007; Москва: МГЛУ, 2007. Основные результаты работы отражены в 5 научных публикациях. Работа обсуждалась на заседании кафедры теории языка и перевода УдГУ, 2007.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения, библиографического списка и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность исследования, определяются цель и основные задачи работы, раскрываются научная новизна, а также ее теоретическая и практическая значимость, формулируются рабочая гипотеза и основные положения, выносимые на защиту, поясняется структура работы.

В первой главе «**Теоретические основы исследования процессов идентификации псевдослова**» определяются основные теоретические положения работы. Исследование процесса идентификации псевдослова опирается на труды Л.С.Выготского, А.А. Леонтьева, Н.И. Жинкина, А.Р. Лурия, С.Р. Рубинштейна, И.М. Сеченова, А.И. Новикова, поскольку в них закладывался фундамент отечественной психолингвистической концепции значения слова. Задача изучения процессов опознавания слова связана с динамическими аспектами значения слова, проблемой организации лексикона и проблемой функционирования отдельно взятого слова в ментальном лексиконе.

Рассматривая структуру ментального лексикона, можно отметить, что рядом ученых было выдвинуто предположение о многоярусном строении лексикона [Залевская 1977, 1990, 1992, Forster 1976, Fromkin 1985, Aitchison 2003]. В работе разделяется точка зрения А.А. Залевской, которая на основании различий в уровнях идентификации исходных слов выдвинула гипотезу о том, что лексикон является многоярусной системой пересекающихся полей (иерархий). Информация о явлениях действительности и связанных с ними языковых единицах систематизирована в соответствии с разными основаниями. На поверхностном ярусе ментального лексикона хранятся комплексы звуковых и графических образов слов, воспроизведение которых требует от испытуемых минимальной степени интеллектуальной активности. Поиск слова на данном уровне ведется по чисто формальным, т.е. звуковым и графическим признакам. Основной единицей данного яруса является словоформа. Идентификация путем опоры на элементы поверхностного яруса характерна для малоизвестных и малопонятных слов [Родионова 1994, Тогоева 1988, 1994, 1998, 1999, 2000, Сазонова 1993, 1998, 1999, 2000], так как на начальных этапах идентификации нового для человека слова имеет место фонетическая или графическая подмена исходного слова.

Глубинный ярус – это ярус значений и смысловых связей. В основе поиска и идентификации слова на данном уровне лежат грамматические и семантические признаки. Для глубинного уровня не актуальны формальные признаки слова, а поиск слов ведется по ряду смысловых признаков, которые пересекаются друг с другом и объединяют слова в разного рода группы. При этом объединение слов по смыслу отражает знание информанта о мире. Поиск и идентификация слов в памяти человека может основываться на комбинациях формальных признаков с

признаками семантическими. Основой лексикона является его ядро. Единицы ядра лексикона обладают большой активностью и характеризуются одновременным входением во множество ассоциативных полей других единиц, заполняющих все остальное пространство ментального лексикона. Значение любого слова как достояния индивида сводимо к некоторому первоначальному чувственному образу объекта, что обуславливается особенностью человеческой психики. Человек расчленяет образ объекта или ситуации до наиболее понятного и включает его в свой образ мира, осуществляя тем самым процессы идентификации и репрезентации.

Понятие репрезентации является одним из ключевых в рамках данной работы. Необходимость его рассмотрения связана с тем, что репрезентация имеет непосредственное отношение к изучению комплекса механизмов, которые дают возможность человеку идентифицировать значение не встречавшегося ранее слова с максимальным использованием всей доступной индивиду информацией.

Идентификация любого слова, нового или уже знакомого, в рамках психолингвистического подхода понимается как целый ряд психических процессов, продуктом которых выступает понимание, или, иными словами, переживание, знание и готовность человека оперировать им с учетом всего индивидуального опыта. Процесс идентификации имеет стратегическую природу, поскольку любая комплексная обработка информации представляет собой стратегический процесс [ван Дейк, Кинч 1988]. В основе современных моделей идентификации речевого сообщения лежит предположение, что процессы, позволяющие распознавать слова, оперируют в рамках ментального лексикона.

В современной науке существует достаточно много определений понятия *стратегия*, но в данной работе основополагающим является понятие *когнитивная стратегия*, которое предполагает наличие у человека неких ментальных процессов, направленных на переработку информации и обеспечивающих усвоение, хранение и извлечение информации из памяти. Стратегии могут использоваться человеком сознательно или неосознанно. Для рассмотрения процесса восприятия слова в психолингвистике последних лет используется интерактивный подход. Он предполагает существование параллельной обработки сигнала на всех уровнях, т.е. процесс идентификации сопровождается интеракцией концептуальных знаний и информации о форме стимула при поиске ментальной репрезентации слова.

Репрезентация в данном случае определяется как способ существования информации в сознании. Таких способов или форм репрезентации знаний может быть несколько. Отсутствие возможности прямо наблюдать процессы репрезентации знания и использование косвенных и непрямых методов изучения явились причиной возникновения большого количества моделей репрезентации знаний в памяти человека. В теоретической части диссертационного исследования

рассматриваются модели репрезентаций разных исследователей. При создании этих моделей учитывались различные языковые и когнитивные задачи, поэтому предложены следующие варианты структурирования знания: например, фрейм [Минский 1979], скрипт [Schank & Abelson, 1977, Schank 1980], схема [Bartlett 1932; Rumelhart & Ortony 1977; Komatsu 1992], образ [Paivio 1972, 1978, Klix & Hoffman 1976], пропозиция [Kintsch 1974, Anderson 1976, Clark 1976, Clark & Clark 1977] и другие.

Далее в работе дается общий обзор классических и новых тенденций в трактовке понятий «внешний» и «внутренний» контекст. Поскольку в работе слово рассматривается как достояние индивида, то признается тот факт, что осмысление неизвестного слова и идентификация его значения носителем языка происходят не только под влиянием вербального контекста, но и вследствие непосредственной активации предшествующего языкового и энциклопедического опыта, т.е. в рамках перцептивно-когнитивно-аффективного контекста функционирования слова в индивидуальном сознании.

В диссертации обобщается опыт исследований, касающихся проблемы идентификации значения нового слова. Необходимость рассмотрения стратегий идентификации неологизмов обусловлена тем, что псевдослова близки к ним по характеристике новизны. Разница между псевдословами и неологизмами заключается в отсутствии у псевдослов четко установленной предметной отнесенности и лексического значения, которое, таким образом, не может использоваться в процессе идентификации.

Поскольку основной задачей проводимого исследования является выявление стратегий и опор идентификации псевдослова, в работе обсуждается вопрос выделения различных сторон значения слова. В слове как в сложной языковой ячейке накладываются друг на друга, но не отождествляются несколько структур: фонологическая, морфологическая, семантическая. Подробный обзор выделяемых лингвистами уровней языковой единицы представлен в работах [Потебня 1958, Виноградов 2002, Никитин 1988, Блох 2002]. В диссертации помимо лексического, грамматического и фонетического значений рассмотрены эмоционально-чувственный компонент и психологическое значение слова. Каждая из этих структур может являться опорой для идентификации слова, в особенности, ранее неизвестного человеку.

Во второй главе **«Вопросы организации и проведения экспериментального исследования»** описываются используемые в работе методы и приемы исследования, процедура отбора слов-стимулов, процедура проведения ассоциативных экспериментов, определяются цели каждого этапа обработки экспериментальных данных.

В качестве основного метода применялся свободный ассоциативный эксперимент, в котором приняли участие 200 носителей русского языка в

возрасте от 17 до 22 лет. Испытуемые являлись студентами 2-4 курсов Удмуртского государственного университета и Ижевского государственного технического университета. Эксперимент проводился в письменной форме.

При проведении эксперимента учитывался тот факт, что на результаты исследования, а значит и на выбор идентификационных опор, влияет варьирование ряда внешних факторов: наличие / отсутствие вербального контекста, параметр отбора испытуемых (юноши / девушки; техники / гуманитарии). Исследование состояло из двух свободных ассоциативных экспериментов. В задачи первого эксперимента входило изучение процесса восприятия слова вне контекста. В задачи второго эксперимента входило изучение процесса восприятия слова в контексте. В каждом эксперименте принимали участие по 50 девушек и 50 юношей / по 50 студентов технических специальностей и 50 студентов гуманитарных специальностей.

В качестве экспериментального материала было отобрано 15 слов-стимулов из книги [Петрушевская 2004]. В число слов-стимулов вошли: 3 существительных в единственном числе (КАЛУША, БУТЯВКА, КАЙОДЛА), 3 существительных во множественном числе (ПУСЬКИ, КЛЯМСЫ, БЛУКИ), 5 глаголов (СЯПАТЬ, ДУДОНИТЬСЯ, БИРИТЬ, ВОЛИТЬ, ВАЗИТЬ), 3 прилагательных (ДЮБЫЙ, БЯТЫЙ, КУЗЯВЫЙ) и 1 наречие (ЗЮМО). Важно отметить, что до проведения эксперимента данные слова были условно отнесены к определенным лексико-грамматическим классам, поскольку невозможно было с уверенностью судить об их принадлежности к той или иной категории. В качестве вербального контекста использовались три главы из книги [Петрушевская 2004].

Для всестороннего изучения процесса идентификации психологической структуры значения псевдослова и формализации механизмов ассоциирования использовались различные методы обработки экспериментальных данных: постэкспериментальный опрос испытуемых, количественные методы анализа и качественная интерпретация данных. В ходе анализа материала использовался дополнительный метод исследования стратегий идентификации псевдослов – наблюдение за ассоциативным поведением испытуемых в экспериментальных условиях.

В числе количественных параметров анализа материалов проведенных экспериментов учитывались: 1) уровень стереотипности реакций; 2) количество разных и единичных реакций на слово-стимул. Качественная интерпретация результатов ассоциативного эксперимента предполагала анализ ассоциативных связей между реакцией и стимулом. Процедура качественного анализа экспериментальных данных проводилась в три этапа. Задачей первого этапа исследования являлось выявление опорных элементов идентификации изолированного псевдослова. С применением внутриязыкового анализа экспериментальных данных ассоциации группировались по общности

основания для их связи со словом-стимулом. Второй этап анализа материалов исследования был направлен на выявление особенностей идентификации психологической структуры значения псевдослов в условиях предъявления стимулов в контексте. На данном этапе также эксплицировались опорные элементы понимания псевдослова, устанавливалась степень влияния вербального контекста на механизмы идентификации слов-стимулов. Третий этап исследования предполагал сопоставление результатов анализа первых двух этапов, выявление специфики идентификации псевдослова в условиях наличия и отсутствия вербального контекста и определение общих для испытуемых стратегий идентификации псевдослов.

В ходе качественного анализа результатов эксперимента при сопоставлении слов-стимулов и реакций возникали затруднения в процессе описания оснований для связи реакций с исходным словом. Для преодоления таких сложностей в процессе выявления универсальных опор ассоциирования в качестве дополнительного приема исследования ассоциативных связей широко использовался постэкспериментальный опрос. В ряде случаев из-за специфичности изучаемого материала постэкспериментальный опрос был единственным способом эксплицировать используемую испытуемым опору.

Третья глава **«Сопоставительный анализ вербальных ассоциаций»** посвящена количественному и качественному анализу экспериментальных материалов.

В результате сопоставления реакций, полученных в ходе эксперимента, подтвердилось предположение об отнесенности псевдослов к определенным лексико-грамматическим категориям. Обобщение результатов анализа материалов ассоциативных экспериментов позволило сделать вывод о том, что морфемы, выражающие грамматическое значение (суффиксы и окончания), могут служить опорой в процессе идентификации ранее неизвестных испытуемым псевдослов. Идентифицируя псевдослово вне заданного вербального контекста, испытуемые в значительной мере опираются на свои познания в области морфологии. Реагируя на псевдослово в контексте, испытуемые опираются не только на знания о правилах словообразования, но и на вербальный контекст.

В рамках количественной интерпретации результатов исследования измерялся уровень стереотипности реакций, данных на псевдослова в контексте и без контекста. Обобщенные данные о реакциях с показателем уровня стереотипности более 20% представлены в таблице 1. Приводимые показатели свидетельствуют об относительно высоком уровне стереотипности реакций на стимулы–псевдослова.

Сопоставительная таблица данных об уровне стереотипности реакций с наиболее высокими показателями

АЭ в контексте		АЭ без контекста	
Стимул – самая частая реакция	Уровень стереотипности	Стимул – самая частая реакция	Уровень стереотипности
Зюмо - <i>очень</i>	50 %	Вазить – <i>возить</i>	30 %
Блуки - <i>глаза</i>	43 %	Блуки – <i>каблуки</i>	27 %
Бирить – <i>говорить</i>	41 %	Клямсы – <i>кляксы</i>	23 %
Вазить – <i>смотреть</i>	33 %	Сяпать – <i>спать</i>	22 %
Волить – <i>говорить</i>	27 %	Бирить – <i>брить</i>	22 %
Дюбый – <i>добрый</i>	26 %	Дюбый – <i>добрый</i>	21 %
Сяпать – <i>идти</i>	23 %	Кузявый - <i>кудрявый</i>	20 %

При сопоставлении результатов, полученных в ходе ассоциативных экспериментов в контексте и вне вербального контекста, было выявлено, что показатель уровня стереотипности у реакций, которые были даны испытуемыми в ходе эксперимента в контексте, более высокий, чем вне заданного вербального контекста. В контексте наиболее стереотипные реакции были получены на псевдослова–глаголы. По результатам эксперимента вне вербального контекста более стереотипные реакции были даны испытуемыми на псевдослова–прилагательные.

В качестве дополнительного вектора количественного анализа в работе рассматривались пол испытуемых и их профессиональная специализация. В предпринятом исследовании девушки давали реакции с более высоким уровнем стереотипности, чем юноши, особенно в контексте. В процессе ассоциирования вне вербального контекста испытуемые технических специальностей на исходные псевдослова давали реакции с более высоким уровнем стереотипности. В контексте показатель уровня стереотипности реакций на стимулы-существительные выше у испытуемых гуманитарных специальностей, а на стимулы-глаголы и прилагательные - у испытуемых технических специальностей.

Результаты количественного анализа материалов экспериментов подтверждают влияние вербального контекста, пола испытуемых и их профессиональной специализации на показатель уровня стереотипности реакций.

Качественная интерпретация данных включает в себя выявление опорных элементов и стратегий идентификации псевдослов в контексте и вне вербального контекста и обсуждение результатов проверки рабочей гипотезы.

В ходе анализа характера связи между словами-стимулами и ассоциативными реакциями, полученными на данные псевдослова вне вербального контекста, были выявлены несколько способов идентификации незнакомого исходного слова. Как показало

сопоставление стимулов и реакций, поиск значения предъявленного для идентификации слова осуществляется на основании ряда *опор*, свидетельствующих о разных способах кодировки информации:

1) опора на фонетический образ псевдослова. Проанализировав весь корпус реакций, полученных в результате эксперимента, выяснили, что около 15% всех реакций было дано с опорой на фонетический образ слова.

При встрече с незнакомым словом происходит автоматическое включение его в контекст предшествующего опыта носителя языка. Данный тип реакций мотивирован актуализацией единиц лексикона, имеющих сходство со стимулом по формальным признакам. КАЛУША – *калоша, галоша, баклуша, капуша, груша*; БУТЯВКА – *булавка, козявка, малявка, шмакодявка*; КАЙОДЛА – *кодла*; СЯПАТЬ – *стряпать, лапать, хапать, тяпать, цапать, сцапать*; ВАЗИТЬ – *лазить, варить, фазить*; ПУСЬКИ – *муськи, буськи, муськи-ватруськи, д. Юськи*; КУЗЯВЫЙ – *кудрявый, корявый*; КЛЯМСЫ – *романсы, хамсы, шмянсы*; БЛУКИ – *блоки, брюки, буки, руки, Великие Луки, глюки, звуки*; БЯТЫЙ – *мятый, пятый*; ЗЮМО – *трюмо, сумо, дзюдо, умно, клеймо* и т.д.

2) опора на фонетический образ стимула как промежуточный элемент ассоциативного процесса. Данная группа реакций составляет около 11% от всего объема реакций, полученных в ходе эксперимента. Совместный с испытуемыми анализ ассоциативных пар «стимул – реакция» позволил выявить недостающие звенья ассоциативного процесса. КАЛУША – */калоша/ деревенская обувь, /копуша/ тихоня, медлительный человек*. БЯТЫЙ – */мятый/ использованный кем-то, растрепанный*; ПУСЬКИ – */Юськи/ название деревни, название села*; КЛЯМСЫ – */кляксы/ грязные пятна, грязь, /клипсы/ серьги*; БЛУКИ – */глюки/ галлюцинации, /Великие Луки/ деревня*; ЗЮМО – */сумо/дзюдо/ бороться, вид боевого искусства, восточные единоборства, вид спорта, вид борьбы*; СЯПАТЬ – */чапать/ идти, хлюпать, ходить, топать, шлепать, /хапать/ брать в большом количестве, брать много, хватать, брать без спроса, /тяпать/ тьяпка*; БИРИТЬ – */тырить/ брать, красть, воровать, украсть, /пилить/ ругать, ругаться с кем – либо* (в ходе постэкспериментального опроса выяснилось, что ни один из испытуемых, кто дал реакцию *пилить*, не имел в виду прямого значения этого слова, у всех молодых людей оно ассоциировалось с понятием «долго, назойливо ругать»); БУТЯВКА – */козявка/ жук, насекомое, маленький жучок*; КУЗЯВЫЙ – */кудрявый/ Игорь*. Последний пример свидетельствует о развертывании микроконтекста ситуации,

поскольку для данной ассоциативной пары характерна модель ассоциативной связи «признак – носитель».

3) опора на графический образ слова. В бланках опроса испытуемые отметили ряд реакций пометкой «неправильно написанное слово ...», более того, в процессе постэкспериментального опроса испытуемые указывали на восприятие того или иного псевдослова, как неграмотно написанного известного им слова. ВАЗИТЬ – *возить*; ВОЛИТЬ – *валить*. Стоит отметить, что слову *валить* большинство испытуемых, давших эту реакцию, придавали значение «убегать», так как в молодежной среде достаточно распространено жаргонное выражение «сваливать откуда-либо». БЯТЫЙ – *Батый, Хан Батый*. Данные реакции можно объяснить тем, что стимулы в экспериментальном бланке были написаны с прописной буквы. Предыдущие примеры иллюстрируют случаи подмены одной буквы другой, но возможны и другие варианты «трансформации» слова-стимула, например, опущение лишней, по мнению испытуемых, буквы (СЯПАТЬ – *спать*, БИРИТЬ – *брить*) или перестановка букв (БЛУКИ – *булки*).

4) опора на графический образ стимула как промежуточный элемент ассоциативного процесса. О реализации данного способа идентификации нам позволяет говорить анализ реакции БЛУКИ – *хлеб*. Совместно с испытуемыми удалось установить недостающий элемент ассоциативного процесса – «булки». Другой пример – глагол СЯПАТЬ – */спать/ дремать, клевать носом, сон, сопеть, сопеть носом, храпеть*.

5) опора на морфологические компоненты слова. Мотивирующими элементами идентификации послужили различные значимые компоненты псевдослова, которые испытуемые вычленяли в процессе ассоциирования. БУТЯВКА – *тявкалка*; КАЙОДЛА – *йод*; БЛУКИ – *каблуки*; ДУДОНИТЬСЯ – *дудеть, дудочка*; ВОЛИТЬ – *воля, волочить, вольничать, волны, уволить*; БИРИТЬ – *бирка, делать бирку, вешать бирку*; КУЗЯВЫЙ – *Кузя*; ВАЗИТЬ – *ваза, делать вазы* и т.д.

6) опора на морфологический компонент слова как промежуточный элемент ассоциативного процесса. БУТЯВКА – */тявкалка/ маленькая собачка, маленькая шавка, щенок*.

БИРИТЬ – */бирка/ клеймить, помечать, ставить метки, чек, мерить*. Две последние реакции на исходное слово дали девушки, у которых слово «бирка» ассоциировалось с магазином, примеркой одежды и оплатой покупок в кассе. ВОЛИТЬ – */воля/ разрешать, освободить, баловать, беспредельничать, давать свободу, брать в плен, иметь свободу, шалить, испытывать силу воли* и т.д., */волны/ вода*; ВАЗИТЬ – *ставить цветы* и т.д.

7) опора на цепочки графем как компоненты слова. В качестве

мотивирующих компонентов могут выступать различные аффиксы и просто цепочки графем или фонем. На стимул КАЙОДЛА пять испытуемых дали реакцию *койот*, причем четверо из них написали данное слово через «а» - *кайот*. Опорой на начальные буквы можно объяснить реакции *дюжий* и *дюбель* на псевдослово ДЮБЫЙ. Стереотипность реакции *зима*, полученной на стимул ЗЮМО, достаточно высокая (15 испытуемых из 100 дали такую реакцию). В процессе постэкспериментального опроса выяснилось, что испытуемые опирались на согласные «з» и «м». Другим примером опоры на цепочку графем являются ассоциативные пары ЗЮМО – *изюм, резюме*; БУТЯВКА – *бутылка*; КАЙОДЛА – *падла, быдла* (все испытуемые, кто дал эту реакцию, написали слово с окончанием «а», что еще больше доказывает мотивированность процесса ассоциирования цепочкой графем / фонем - *дла*); КЛЯМСЫ – *лясы, кляузы, кляп, клянчить*; БЛУКИ – *блудни, блуждать*; ПУСЬКИ – *пусть, пустяки*; ДУДОНИТЬСЯ – *дурить, дунуть, дуться* и т.д.

8) *опора на цепочки графем / фонем как промежуточный элемент ассоциативного процесса.* КЛЯМСЫ – /кляузы/ *враки, Враньё!, ложь*; БЛУКИ – /блудить/ *гулять*; ЗЮМО – /зима/ *время года, мерзлый*; ДЮБЫЙ - /дюжий/ *большой, толстый, braveй парень, добрый здоровяк, «свой человек», огромный.*

9) *опора на лексико-грамматический класс и грамматическую форму псевдослова.* Давая ассоциацию на псевдослово, более чем в 75% случаев испытуемые помимо других формальных опор использовали опору на форму слова-стимула. В качестве мотивирующих элементов выступали суффиксы и окончания псевдослов. БУТЯВ- К-А – *пугов-к-а*; СЯП-А-ТЬ – *коп-а-ть, лоп-а-ть*; БЯТ-ЫЙ – *брит-ый, бел-ый*; ДУДОН-И-ТЬ-СЯ – *воз-и-ть-ся, весел-и-ть-ся*; ЗЮМО – есть два варианта идентификации этого стимула: как существительное, в таком случае «о» выделяется как окончание существительного среднего рода (ЗЮМ-О – *зеркал-о, зерн-о*), и как наречие (ЗЮМО – *холодно, жестко, любо, хорошо*). Более того, отмечен ряд реакций, когда испытуемые прямо называют часть речи и грамматическую форму слова-стимула. ПУСЬКИ – *уменьшительно-ласкательное слово*; СЯПАТЬ – *глагол*; КУЗЯВЫЙ – *прилагательное.*

Контекстный вариант ассоциативного эксперимента позволил выявить следующие опоры:

1) *опора исключительно на чувственные компоненты внутреннего контекста.* К данному типу реакций мы отнесли ассоциаты, которые «преодолели» вербальный контекст и оказались не связаны с предложенным испытуемым текстом. В процессе качественной интерпретации экспериментальных данных и постэкспериментального опроса было выявлено около 12% реакций, которые были даны в соответствии с внутренним контекстом испытуемых, а не с внешним вербальным контекстом. Данные реакции свидетельствуют об обращении

индивида к чувственному началу. «Чувственные» реакции актуализируются в первую очередь, а уже потом возникают примеры их переосмысления согласно контексту. Но человек – существо пристрастное, обладающее огромным количеством переживаний, и он не всегда способен «отключать» свое эмоционально-чувственное начало. Предложенный испытуемым в ходе эксперимента материал является «благодатной почвой» для восприятия слов-стимулов с опорой на чувственные компоненты. Например, ДУДОНИТЬСЯ – *дудеть, вода* (идентификация через промежуточный элемент ассоциативного процесса «дуться»); БЛУКИ – *булки, каблуки, /булки/ хлеб*; КЛЯМСЫ – *клякса, /клипсы/ серьги. /клямсы/ грязь*; КАЛУША – */калоша/ обувь*, ЗЮМО – *резюме, изюм*, БЯТЫЙ – *белый, пятый* и т.д.

Ряд реакций был получен на псевдослова, представленные в конце стимульного списка, что, вероятно, объясняется некоторой усталостью испытуемых и сложностью третьего текста, который был длиннее предшествующих двух, и, возможно, поэтому вызвал некоторые затруднения.

2) опора на лексико-грамматический класс и грамматическую форму псевдослова. Большинство испытуемых, давая ассоциативные реакции, опирались на морфологическую структуру слова. В процессе реагирования на слова-стимулы испытуемые неосознанно проводили морфологический анализ псевдослов, выделяя корень, суффиксы и окончание того или иного слова. Именно поэтому большинство реакций повторяют словообразовательную модель стимулов. Более того, установлено, что несколько испытуемых реагировали на слова-стимулы, называя лексико-грамматический класс, к которому, по их мнению, относятся псевдослова. Стоит отметить, что этот способ реагирования обычно использовался каждым из них несколько раз. Например, одна из девушек дала следующие реакции на стимулы: КАЛУША – *существительное*, ДУДОНИТЬСЯ – *глагол*, ПУСЬКИ – *существительное множественного числа*, БЯТЫЙ – *прилагательное*.

3) отказ от реакции. В ходе эксперимента в условиях заданного контекста зафиксировано значительное количество отказов. Большинство из отказов были даны в качестве реакций юношами-техниками. По мнению самих испытуемых, они были поставлены в жесткие рамки контекста, который оказался достаточно сложным для их понимания, чем и вызвал первую реакцию – отторжение. Возможно, этой группе испытуемых просто не хватило времени для развертывания модели ситуации. Наибольшее количество отказов было получено на стимулы ПУСЬКИ, КЛЯМСЫ, БЛУКИ, т.е. на существительные во множественном числе. Стоит отметить, что проблемы с идентификацией этих стимулов возникли и у юношей гуманитариев, хотя количество отказов небольшое.

4) опора на моделируемую испытуемыми ситуацию. Подавляющее большинство реакций, зафиксированных в процессе анализа материалов этого эксперимента, были даны с опорой на вербальный контекст.

После проведения вертикального сканирования экспериментальных бланков стало очевидно, что каждый из испытуемых создавал собственную модель ситуации. Стимулы и реакции на эти псевдослова играют роль «смысловых вех», которые способствуют достижению «общего понимания» текста. При этом контекст оказывается разным для каждого испытуемого, поскольку модель ситуации создается с опорой на «ключевые единицы» - псевдослова стимульного списка. В ходе постэкспериментального опроса выяснилось, что испытуемые используют два способа «развертывания» ситуации.

В первом случае испытуемые, привлекая опору на фонетический образ слова, идентифицировали псевдослово КАЛУША (оно одним из первых употребляется в тексте). В дальнейшем в процессе чтения текста модель ситуации создавалась с опорой на данную «ключевую единицу». Следуя этому способу понимания ситуации и псевдослов, испытуемые идентифицировали слово КАЛУША как /лягуша/ *лягушка*, /клуша - птица/ *курица, утка, птица*, /клуша – наседка/ *многодетная мать, родитель, женщина с детьми*. В дальнейшем понимание текста и формирование модели ситуации подчинялись избранной интерпретации «ключевого слова».

В ходе этого эксперимента испытуемым предлагались три текста для ознакомления. При просмотре ассоциативных реакций и беседе с испытуемыми выяснилось, что, опознав псевдослово в контексте первого текста, в дальнейшем как юноши, так и девушки, встречая это слово в другом тексте, приписывали ему уже идентифицированное значение и достаточно часто использовали в качестве «ключевой единицы», помогающей смоделировать ситуацию.

В ходе постэкспериментального опроса было установлено, что некоторые испытуемые идентифицировали псевдослова после прочтения всего текста, выявив причинно-следственные и пространственные отношения, «закодированные» в нем. Данная группа испытуемых в большей степени руководствовалась грамматической и синтаксической структурой текста. Опираясь на внутриязыковые факторы, они создавали некую модель ситуации, в которую в дальнейшем вписывали псевдослова-стимулы.

Чтобы проиллюстрировать подобную модель поведения, рассмотрим реакции, которые дал один из испытуемых в процессе идентификации псевдослов: КАЛУША – *одушевленный предмет*; СЯПАТЬ – *передвигаться особым образом*; ВАЗИТЬ – *смотреть*; БУТЯВКА – *нечто, что можно съесть*; ВОЛИТЬ – *доводить до сведения*; ДУДОНИТЬСЯ – *выразить недовольство*; КУЗЯВЫЙ – *хороший*; ДЮБЫЙ – *нехороший*; ЗЮМО – *очень*; ПУСЬКИ – *оскорбление в отношении кого-либо*; БЯТЫЙ – *нехороший*; БИРИТЬ – *говорить*.

Молодой человек создает универсальную модель понимания текста, в которую могут быть «вписаны» различного рода герои. Реакции испытуемого, в целом, нейтральны, они скорее передают грамматические и

синтаксические отношения между словами, чем эмоционально-чувственное отношение к тексту и ситуации.

Экспериментальное исследование позволило выделить две основные стратегии идентификации псевдослова носителями русского языка в зависимости от характера опоры, мотивировавшей идентификацию стимула, и фактора наличия / отсутствия вербального контекста. В рамках данных стратегий реализуется вся совокупность обнаруженных в ходе анализа материалов, опорных элементов.

В ходе ассоциативного эксперимента вне вербального контекста основной стратегией идентификации псевдослов оказалась ***стратегия идентификации через формальные мотивирующие элементы***. Эта стратегия особенно характерна для процесса идентификации малоизвестных и малопонятных слов, так как отражает специфику функционирования механизма опознания стимула на уровне его словоформы. Материалы эксперимента в контексте позволяют выделить в качестве основной стратегии идентификации псевдослова – ***стратегию идентификации через внешний вербальный контекст***.

В диссертационном исследовании проверялось предположение о том, что в процессе идентификации псевдослов юноши и девушки, молодые люди технических и гуманитарных специальностей будут использовать разные опоры. Полученные результаты свидетельствуют о том, что нет оснований утверждать, что юноши и девушки, техники и гуманитарии используют кардинально разные идентификационные опоры. При сопоставлении структуры ассоциативных полей выяснилось, что несколько отличается частотность применения определенных опор у испытуемых разного пола и разной профессиональной специализации. Так, например, идентифицируя псевдослово вне вербального контекста, юноши чаще, чем девушки, использовали опору на лексико-грамматический класс и грамматическую форму псевдослова, давая реакции, которые по набору морфологических компонентов повторяли структуру стимула. Анализ реакций, полученных на стимулы в эксперименте в контексте, свидетельствует, что подавляющее большинство реакций было дано всеми испытуемыми с опорой на моделируемую ситуацию.

В процессе качественной интерпретации экспериментальных данных также проверялось предположение о том, что носитель языка в процессе речевого развития склонен разьяснять незнакомые и плохо знакомые понятия через единицы ядра ментального лексикона. Выяснили, что вне вербального контекста некоторые испытуемые действительно интерпретируют псевдослова с помощью слов, входящих в ядро русского языкового сознания, но данная опора оказалась нерелевантной. Свободные ассоциативные эксперименты, проведенные в рамках исследования, предполагали спонтанность реагирования. Именно поэтому испытуемые гораздо чаще использовали другие опоры.

Таким образом, экспериментально созданная «идеальная» модель

встречи испытуемого с незнакомым словом позволила не только эксплицировать опорные элементы и стратегии идентификации абсолютно новых для испытуемых слов, но и определить роль контекста в выборе опоры идентификации, проверить предположение о стремлении испытуемых идентифицировать незнакомые слова через единицы ядра лексикона, выявить особенности использования идентификационных опор испытуемыми разного пола и разной профессиональной специализации.

Психолингвистический подход к изучению психологической структуры значения псевдослова требует дальнейшего глубокого изучения, так как способствует выявлению особенностей идентификации слова, лишённого лексического значения, и позволяет получить более полные и объективные данные о процессах функционирования слова в ментальном лексиконе. Сопоставление идентификационных стратегий псевдослова и стратегий идентификации неологизмов, моно- и многозначных слов, выявленных другими исследователями, позволяет сделать вывод о том, что при восприятии малознакомых и незнакомых слов увеличивается опора на элементы слова (знакомое слово чаще воспринимается как целостное образование). Но, несмотря на это, стратегию идентификации слова через формально мотивирующие элементы можно считать универсальной, хотя степень ее актуальности при идентификации разных слов в разных экспериментальных ситуациях варьируется. Наиболее релевантной данная стратегия является для неологизмов и псевдослов, которые не всеми испытуемыми воспринимаются целиком, так как в памяти отсутствуют перцептивные эталоны этих слов, в результате чего подключаются иные перцептивные базы, где эталонами являются морфемы, слоги, звуки, следовательно, начинает превалировать стратегия поэлементного восприятия. Результаты исследований Л.В. Газизовой, Р.Н. Гариповой и Т.Ю. Касаткиной дают основания утверждать, что данная стратегия используется разными испытуемыми (носителями русского, татарского и башкирского языков разных возрастных групп) и для идентификации полисемантических слов, но она не является основной. Многозначные слова, в основном, идентифицируются с опорой на семантические признаки и путем отнесения идентифицируемого слова к определенной категории [Наумова 1984, Лачина 1989, Маскадыня 1989, Барсук 1991, Газизова 2006, Гарипова 2007, Касаткина 2007], по мнению Ф.Кейла и Н.Баттерман, основную роль играют аналитические определительные признаки [Keil & Batterman 1984].

Стратегия идентификации через внешний вербальный контекст тоже является вполне универсальной стратегией. При идентификации слова с неоднозначной семантикой в сознании человека актуализируются несколько конкурирующих значений, обычно выбор одного из них осуществляется под влиянием внешнего контекста [Рафикова 1999, Рогожникова 2000]. В случае идентификации псевдослова нельзя говорить о том, что контекст помогает актуализировать какие-либо лексические

значения слов из-за отсутствия последних. Внешний контекст помогает спроектировать ментальный образ всей ситуации, на основе которой создается репрезентация псевдослова. При опознавании псевдослова в контексте стратегия идентификации через внешний вербальный контекст практически полностью исключает необходимость использования стратегии идентификации через формально мотивирующие элементы, что, вероятно, объясняется наличием целостной модели ситуации.

В заключении подводятся общие итоги диссертационного исследования, формулируются основные выводы и обсуждаются некоторые перспективы дальнейшего исследования.

Библиографический список содержит 270 работ, куда вошли научные труды отечественных и зарубежных авторов.

**Основное содержание работы раскрывается
в следующих публикациях:**

Публикация в научном издании, рекомендованном ВАК:

1.Ткаченко Н.М. Исследование психологической структуры значения псевдослова // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Вестник МГЛУ. – М.: МГЛУ, 2007. Вып. 541. – С. 273-277.

Другие публикации:

2. Ткаченко Н.М. Роль контекста в определении значения слова // Вопросы обучения иностранным языкам: методика, лингвистика, психология. – Уфа: Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т, 2005. – С.282-284.

3. Ткаченко Н.М. Семантика слова в условиях контекста // Средовый подход к обучению иностранным языкам по новым технологиям. Часть 1. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2005. – С. 14-15.

4. Ткаченко Н.М. Количественный анализ данных экспериментального исследования псевдослов // Профессионально-значимые качества и успешность деятельности будущего специалиста. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2007. - С. 236-242.

5. Ткаченко Н.М. Роль формальных мотивирующих элементов в процессе идентификации псевдослова // Вестник Удмуртского университета. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2007. – Вып. 5, ч. 2. – С.187-192.

Ткаченко Надежда Михайловна

ИССЛЕДОВАНИЕ СТРАТЕГИЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ
ЗНАЧЕНИЯ ПСЕВДОСЛОВА

Специальность 10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано в печать _____ Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.

Печать плоская. Гарнитура Times. Усл. печ. л. _____ Усл. кр.-отг.

_____ Уч. изд. л. _____

Тираж 100 экз. Заказ № _____.

Издательский дом «Удмуртский университет»
426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 4.